

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ



Михаил НЕСТЕРОВ

НАПРАВЛЕНИЕ
ГЛАВНОГО УДАРА



Джеб

Михаил Нестеров

Направление главного удара

«ЭКСМО»

2006

Нестеров М. П.

Направление главного удара / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2006 — (Джеб)

Как иногда хочется скинуть порядком надоевшее бремя разведчика ГРУ и уподобиться героям знаменитого французского фильма «Искатели приключений»! Ведь все для этого есть – и золото на затонувшем корабле, и погружения в пучину океана, и риск, и, конечно, любовь. Обидно, что на самом интересном месте разведчикам приходится вернуться к своим должностным обязанностям. Английский «контрик» Гарри Копано, наркодилер и авантюрист, пронюхал о золоте и натравил на наших парней профессиональных убийц – боевых пловцов. То, что произошло потом, трудно вообразить. Перед отчаянностью и твердостью русского характера померкло даже огненное сияние золота...

© Нестеров М. П., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	9
3	12
Глава 2	14
1	14
2	15
3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Михаил НЕСТЕРОВ

Направление главного удара

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Известия», журналу «Game.exe», авторам книги «Новые игры патриотов» А. Солдатову, И. Бороган, авторам книги «Люди-лягушки» А. Тарасу, В. Бешану, автору книги «Охотники за охотниками» Йохану Бреннеке за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое сходство с действительным лицом – живущим либо умершим – чисто случайное. Взгляды и высказанные мнения героев романа могут не совпадать с мнением автора.

Простейший способ избавиться от власти золота – это иметь его в избытке.

Часть первая

В ТЕНИ «ОРАКУЛА»

Глава 1

СЛАБОЕ ЗВЕНО

1

Конец мая 2005 года

Извещение в лондонской газете «Ивнинг Стэндарт»:

Авиастроительная компания «Хемфри и Ко» уведомляет своих клиентов – владельцев легкомоторных самолетов – тип «Сэвдэж», выпущенных компанией в период 16 марта – 20 мая 2005 года, о неисправностях в узле крепления винта (фланец крепления, деталь FL-645518; неисправность – нарушение технологических параметров при термической обработке). Мы настоятельно рекомендуем владельцам нашей продукции срочно обратиться в ближайшие сервисные станции для замены неисправной детали за счет фирмы-изготовителя.

Каждому нашему клиенту на адрес, указанный в договоре о приобретении самолета, высланы официальные извещения о неисправностях агрегата и извинения от имени руководства фирмы за причиненные неудобства. Оповещения о неисправностях также разосланы компанией в службы безопасности полетов аэропортов и авиакомпаний следующих стран...

Подпись:

Гендиректор «Хемфри и Ко»

Гордон Хемфри.

...Кони поймал себя на странной мысли: его одномоторный высокоплан не летит, а спускается по невидимой канатной дороге. Он будто сорвался с наивысшего пика гористой Шри-Ланки и катил по наклонной к безымянной возвышенности Мальдив.

Конрад не любил ликовать в одиночестве. Он потянулся к спутниковой трубке, крепившейся в жестком чехле на панели приборов, и набрал номер Эмиля Линге. Снова испытал, что такое быть на седьмом небе и не чувствовать ног под собой. От Эмиля, который находился в

Голландии, его отделяли тысячи миль. А его голос прозвучал так ясно и неожиданно громко, будто он сидел в кресле пассажира и поддерживал связь по интеркому.

– Ошибаешься, Эмиль, – Конрад радовался как ребенок, – я на канатной дороге. От скорости в двести миль и перепада в два с половиной километра закладывает уши. Меня втягивает в Экваториальный проход!

Экваториальный проход. Проливы Полуторного и Восьмого градусов. Эти завораживающие слова не могли не опутывать чарами, никого не оставили бы равнодушным.

Самолет Кони словно пристегнули к цепи коралловых островов и атоллов. Под крылом самолета распростерлись десятки, сотни островов. С высоты птичьего полета они казались кувшинками и листьями, упавшими в кристально чистое озерцо, а Кони и его крылатая машина превратились в мифического Икара. Он снижается по спирали холодных воздушных потоков, выискивая место для отдыха. Там, где его крыло коснется воды, вскоре захлопают десятки таких же сильных, как у него, вожака стаи, крыльев. В этом шуме он различит призыв своей подруги по имени *Весна* и тронет ее нежный пух своим сильным крылом: «Вот мы и дома, детка».

Он снижался и на высоте ста метров был в недосыгаемости радаров мальдивского аэропорта Хулуле.

Кони уже сообщил командиру подразделения британского спецназа о своем приближении и представил, как «морские коттики» садятся на каркасные «зодиакы» и мчат к месту встречи. В прошлый раз это была песчаная отмель. Там морпехи подыскивали отличную площадку для приземления легкомоторного самолета. Сегодня Кони ждала схожая площадка – ровная береговая линия.

На борту самолета находился груз – пятьсот килограммов чистейшего опия, собранного на плодородных берегах Махавели, и около ста килограммов марихуаны, выращенной в гористой части Шри-Ланки.

Где-то здесь внизу у Кони был свой остров-сад. Однажды пролетев над ним, он всегда стремился к нему. Он мог пролетать над ним сотни, тысячи раз, но не мог совершить на него посадку. Разве что спикировать.

Конрад не знал, что скрыто под водой. Это он видел всегда по-разному. Чаще – в облике подводного сада необычной, фантастической формы. Образование кораллов, буйная поросль подводных растений, где на глубине двадцати метров полчища небывало красивых рыб – клоунов, наполеонов, ангелов. Он вытянулся на полсотни метров вдоль экватора и казался синей птицей, укрывшейся от людских глаз на дне океана. Но как бы ни хитрила птица, имеющая форму хищной рыбы, Кони научился распознавать ее. С высоты двухсот метров она была видна. Стоило опуститься на пятьдесят метров ниже – она пропадала как по мановению волшебной палочки. В море у нее были свои защитники – блесевшие на солнце волны. Это они при близости к воде словно поворачивали свою зеркальную чешую и слепили глаз.

Порой это подводное новообразование Конрад сравнивал с гигантской рыбой – вымахавшей до невероятных размеров стерлядью с коротенькими плавниками.

Подводное гористое образование. Будто холм, *огромный могильный холм*, раскинувшийся в сорока километрах от ближайшего острова.

Чем чаще летал над ним Кони, тем больше ассоциаций возникало у него в голове. Каждый раз новые образы.

Однажды он сделал его зарисовку, проставил точные координаты и показал Эмилю. Тот натурально обломал кайф: «Похоже на железную щуку из мультсериала. Зачем ты ее нарисовал?»

...До точки randevu оставались считанные минуты. В груди летчика заработал внутренний спидометр: тревога возрастала с каждым пройденным километром. Беспокойство и воображение спаялись в одно целое и родили облик стремительных истребителей и еще более провор-

ных ракет класса «воздух – воздух», сорвавшихся с пилонов военного самолета. От воздушных призраков дхнуло морозом; сковало руки, подморозило губы.

Кони снова взял спутниковую трубку.

– Эмиль...

Он был обязан выйти на связь с «котиками», поджидающими контрабандный груз. Они уже поглядывают в небо. Выходя на связь, Кони выбрал простейшую опцию *последнего* соединения.

Еще и потому, что Эмиль был владельцем такого же новенького высокоплана и приобрел продукцию «Хемфри» неделей позже.

– Эмиль, у меня дурное предчувствие. Нет, не шути, канатная дорога не оборвалась... но может оборваться. Я сейчас точно в середине Экваториального прохода. Я на малой высоте и не вижу остров Бабочки, но он на правом траверзе, где-то слева безымянный островок.

Он, зная точные координаты своего подводного сада, называл их Эмилю так, словно хотел успокоиться в том райском месте.

– До точки randevu ровно шестьдесят километров... *Что-то с мотором, что-то с мото-ром...*

Конрад уже не говорил с другом, а докладывал: *высота, курс, скорость... время* – с центра приборной панели на него смотрел стеклянный глаз секундомера – абсолютно лишней детали на этой стилизованной под «Авро-Линкс» «доске».

– Кажется, тамильские ублюдки залили мне паршивое топливо! Я падаю, падаю!..

Самолет шел бреющим полетом над проливом Полуторного градуса. Экваториальный проход был *вдвухстах километрах* к югу, остров Бабочки прятался на южной окраине атолла Сувадива. Там же вдалеке остался его подводный сад.

Отчаяние и тревога покинули его, едва Кони прервал связь с Эмилем. Его лицо озарила счастливая улыбка. Он оторвал одну руку от штурвала и сжал пальцы в кулак: «Есть! Получилось!» Но нет, пока рано торжествовать. Он отпразднует победу в роскошном ресторане.

Конрад резко изменил курс, еще дальше удаляясь от координат, брошенных в телефонную трубку. Он держал курс на небольшой остров и, согласно расчетам, должен увидеть его через пять минут.

Зеленая голова острова словно вынырнула из воды и отплевывалась прибрежной пеной. Кони заложил крутой вираж, едва не касаясь крылом водяных гребешков, и облетел остров с его восточной стороны. Тотчас увидел площадку для приземления. Твердая, сцементированная волнами и ветрами, песчаная полоска манила к себе. Приманивали руки товарищей, подающих ему знаки. Он качнул крылом, приветствуя их.

Сделав разворот, Конрад пошел на посадку. Руль высоты вздыбился над рулем направления павлиньим хвостом. Шасси самолета слизывали морскую пену; она сорвалась с широкой резины, едва высокоплан коснулся береговой полосы, и колеса – вначале основного шасси, а затем носовое – закрутились с бешеной скоростью, разбрасывая песчаные перья.

Самолет подпрыгнул на песчаной неровности и понесся в полуметре над площадкой. Конрад хладнокровно подкорректировал направление, дернув штурвал. Шасси снова обрели сцепление с площадкой, на сей раз окончательно.

Самолет закончил свой бег в пятидесяти метрах от губы, врезавшейся в берег. Кони открыл фонарь, ступил на подножку. Но не спрыгнул на землю. Он забрался на горячий капот, оттуда одним прыжком заскочил на влажное крыло и выбросил руки в небо.

Конрад здорово смотрелся на своем высокоплане, закончившем фантастический полет-гонку. Он только что не выкрикнул: «Мы чемпионы!» Только что не прыгнул в объятия Хантера, походившего в этот миг на Рона Дэниса из «Макларена»: черная майка, темные брюки, заправленные в высокие, тонкой кожи, военные ботинки.

Он отыскал глазами Весну и подмигнул с высоты: «Вот и все, детка!»

Они часто мечтали, обнявшись на белоснежном песке, свободном от кораллов, о старой-старой усадьбе в Англии. «Трехэтажная», – говорил Конрад. «На берегу озера», – добавляла Весна. «Каминные трубы, водосточные». – «Две террасы». – «И никаких заборов». – «Точно – лишь живая изгородь, уходящая к самой воде». – «На лугу пасутся кони, овцы, собаки резвятся». – «У самой воды мостки, маленький понтон с парой лодок, плещутся утки».

Конрад спрыгнул на песок и заключил девушку в свои объятия.

Лейтенант Хантер дал им минуту, бросив взгляд на часы.

– Как все прошло? – спросил он, пожимая Кони руку.

– По плану. Я сообщил Эмилю точные координаты своего «падения». – Конрад еще не остыл от возбуждения, говорил отрывисто и с хрипотцой. – Ровно над экватором и семьдесят три градуса к востоку от Гринвича. Километров двести отсюда.

– Думаю, твой звонок Эмилю собьет с толку нашего босса. – Он говорил о Вуди Стэнфорде, стоявшем во главе наркотрафика.

Они все точно рассчитали, часами разрабатывая план, – последний, взяв за основу извещение авиастроительной компании. В нем Конрад, имитируя катастрофу, слабо, *но достаточно для Стэнфорда*, акцентировал этот момент телефонным звонком Эмилю. Но никак не Хантеру.

Охотник устал. Устали его бойцы. Они не могли просто так уйти из-под влияния наркodelьцов. Они хотели уйти красиво, сорвав напоследок солидный куш.

Лишь Конраду досталась незавидная участь вечного беглеца. Он рисковал больше всех, но его доля в этом мероприятии была самой высокой. Скоро у него будет много денег. Он подумывал не только о новых документах, но и о новой внешности. Можно изменить форму носа, ушей, увеличить подбородок.

Из грузового отсека, расположенного над радиатором, британские «котики» выгрузили контрабанду и разместили мешки, по три килограмма в каждом, в двух лодках.

Топлива в баках самолета осталось лишь на взлет и посадку. Канистры с керосином на «зодиаках» остались нетронутыми.

Бойцы отсалютовали высокоплану, сорвавшемуся с края берега, прощальным взмахом руки. Кони посадил самолет на воду в пятистах метрах от острова. Выбравшись на крыло, он открыл дверцу багажного отделения. Опустошил магазин карабина, проделав отверстия под форкилем и буквально расстреливая регистрационный номер. В образовавшиеся дыры тотчас хлынула вода.

В «зодиаке» с Хантером за блоком управления Конрад прыгнул, уже стоя по колено в воде.

Сейчас, когда по его щекам потекли слезы, он проклял и себя, и товарищей. Он не представлял, в какую тяжесть выльется прощание со своей крылатой машиной. Он словно застрелил преданного пса.

Весна обняла его за плечи.

– Все пройдет, Кони...

Хантер посмотрел на часы и в очередной раз вышел на связь со своим шефом.

– Вуди, этот ублюдок так и не появился, – докладывал он в конфиденциальном режиме по спутнику. – *Он кинул нас*. – Хантер бросил быстрый взгляд на Кони. – В этот раз на борту его самолета было слишком много товара. А я тебя предупреждал!..

– Не шути, приятель. Ты же не хочешь познакомиться с моими братьями и сестрами.

– Они кто, напомни?

– Спроси, «они где?» Они на кладбище. Жди еще – сутки, двое, вызывай пилота на связь...

– Боюсь, что сегодня мы сторонние наблюдатели, мать вашу!.. Все, я выхожу из игры...

2

Вуди Стэнфорд находился в служебной командировке. За неполных три дня он успел побывать в двух столицах Шри-Ланки, официальной и фактической. Официальная, по определению, застревала в зубах Стэнфорда и перхала в его глотке сингальским свистком – Шри-Джаяварденепура Котте. Фактическая вылетала из горла легким английским рожком – Коломбо.

Стэнфорд подумал о том, что после ста пятидесяти лет британского правления страна, получившая в 1948 году независимость, еще не жила спокойно. Сплошные столкновения между тамилами и сингалами, войны между правительственными войсками и марксистскими повстанцами, набеги на соседние Мальдивские острова. Пятнадцать лет назад, вспоминал английский контрразведчик, в страну ввели индийские войска. Еще через три года тамильские террористы ухлопали президента Премадаса.

Стэнфорд размышлял над этим в компании Гуджрала, чья партия имела пять голосов в парламенте. «Включая хриплый баритон самого Гуджрала», – не преминул заметить Стэнфорд в продолжение музыкальной темы.

Они находились в официальном представительстве партии в Коломбо. Хозяин походил на индийского раджу – дорогой костюм, пышные лоснящиеся усы, сросшиеся с бакенбардами. Его безымянный палец венчал перстень небывалой красоты. Стэнфорд также был одет в деловой костюм. Он, глядя на украшения меднолицего собеседника, ухмыльнулся: «Если что-то и венчает мои пальцы, то это ногти». Англичанин следил за своими руками. Ухоженные, изящные, как у пианиста, его кисти словно произрастали из манжет белоснежной рубашки и удивляли чистотой. Его любовница однажды сказала: «Твои руки нужно увековечить в масле».

В этой комнате, предназначенной для частных бесед и секретных переговоров, Стэнфорд говорил открытым текстом – то спокойно и демонстративно вдумчиво, то нервно и едва владея собой. Сейчас он, обдумывая ответ на вопрос Гуджрала, прикурил очередную сигарету и потянулся к рюмке.

Водку он пил маленькими глотками, как виски, и непременно морщился. Опять же наигранно он обшаривал стол своими колючими глазами в поисках другого напитка. Но другого напитка не было. Хозяин богатого представительства хлебал водку как квас, не моргая, не щурясь, не закусывая, и Вуди искренне удивлялся, почему Гуджрал не палит при этом индийскую коноплю. Собственно, речь шла о ней, конопле, произраставшей на юге острова, превратившейся путем нехитрых операций в марихуану. Ее крепость и чистота удивляли даже эстетов от наркомании. Травка навевала не благие мысли, а натурально целомудренные помыслы. Что касается опия...

– Ты потерял пятьсот килограммов, – снова напомнил Гуджрал. – Ты меня хорошо понимаешь?

– Так же хорошо я бы понял и десятую часть населения острова, которая говорит на английском. Не я потерял, а мы потеряли, – акцентировал Стэнфорд. – Хорошо, это я нанял пилота, и он нас ни разу не подвел. Теперь послушай, что сделал ты: нагрузил его самолет, и там, где должен был сидеть сопровождающий, «сидел» мешок с марихуаной!

– Я тебя предупредил – мне нужны деньги.

– Не забыл, с кем ты разговариваешь? – недобро сощурился Стэнфорд. – Ты имеешь честь беседовать с шефом департамента британской контрразведки, – длинно и ядовито представился он, уставший еще и от встреч со своим шриланкийским коллегой. – Теперь припомни, кто ты. Лишь маленький, – Стэнфорд сблизил пальцы и прищурился через едва приметный просвет на собеседника, – ничтожный лидер карликовой партии.

– Я – шеф Тамильского объединенного фронта, – с вызовом ответил Гуджрал, гордо вскинув голову.

– «Чайной» республики, – не преминул вставить Стэнфорд и выругался: – Черт возьми, этот спор может продолжаться вечно!

Он мог прямо за столом набросать короткую справку на своего собеседника.

Гуджрал – крупный шриланкийский делец. По данным спецслужб, к наркобизнесу Гуджрала еще в 70-х приобщили родственники – известный в Индии клан Гуджралов. Он поставлял террористической группировке «Тигры освобождения Тамил илама» оружие, а те охраняли его наркоплантации. Впервые перехватить гуджраловский героин удалось в 1993 году – 100 килограммов предназначались для США. Затем американцы обрубили налаженные Гуджралом каналы – крупные партии шриланкийского опия поступали из портов Турции, Индии и Пакистана...

– Ты ищешь летчика?

– Прочти вот это. – Стэнфорд вынул из кармана факс, присланный на его персональный компьютер, и ответил на вопросительный кивок собеседника: – Это извещение авиастроительной компании «Хемфри». Читай, читай. Мои люди проверяли – такая информация разослана и в службы безопасности полетов авиакомпаний. Я жду экспертной оценки из технической службы «Хемфри»: как, что, почему. Но уже сейчас догадываюсь, что стало с самолетом, когда он потерял винт. Он во время разрушения фланца находился на малой высоте, у летчика, уходящего от облучения радаров, не хватило времени посадить машину. Даже на воду, – поиграл желваками Стэнфорд. – Она камнем пошла ко дну.

Гуджрал прочитал официальную бумагу и выпил водки. Бросив под нос извинения, он вышел в соседнюю комнату, где его поджидал двоюродный брат, ведавший производственным цехом по изготовлению опия. Он не вмешивался в трафик, однако нынешний прокол ударил его по рукам.

– Ты доверяешь этому англичанину? – спросил он.

– Да, – ответил Гуджрал.

– Как давно ты знаешь Стэнфорда?

– С 1993 по 1996 год он занимал должность офицера связи в шриланкийском центре британской контрразведки.

– Чем он занимался?

– Его работа заключалась в координации политических партий Шри-Ланки, – уверенно отвечал Гуджрал. В то время он уже включился в предвыборную борьбу и немного сочувствовал Стэнфорду, работа которого была отнюдь не простой: президент и премьер-министр страны представляли одну партию – Партию Свободы, а это сто пять мест в парламенте, едва ли не абсолютное большинство. – Стэнфорда автоматически потянуло ко мне, потому что найти общий язык с маленькими партиями было легче, а значит, и работать легче. Никто-никто не хочет перегружать себя работой. К тому времени американцы обрубили мне наркоканалы, я стал вести поставками каучука за рубеж. Однажды я спросил Стэнфорда: «Вуди, ты не хочешь помочь лично мне?»

– Он сразу согласился?

– Он взял паузу. Для британской разведки были важны даже личные моменты членов шриланкийских партий и преступных группировок. Когда он дал согласие выслушать меня, я подвел его к карте.

Гуджрал покосился на карту мира, занявшую полстены этой комнаты. К западу от бывшего Цейлона раскинулись – восемьсот двадцать километров с севера на юг и сто двадцать – с запада на восток – красивейшие в мире острова. Райское место, огромный рынок сбыта наркотиков, расчлененный на сотни островов, нацеленный на десятки тысяч туристов со всего света. Нет постоянного контингента, которого бы мучили ломки и сомнения. Отдохнул, покурив травку, и отправился на родину.

– Стэнфорд довольно легко принял мое предложение. Ему в ту пору было всего двадцать четыре. На год больше было Хантеру, который возглавлял отряд «котиков» на острове Ган. Я видел тревогу Стэнфорда, когда он помог переправить на Мальдивы первую партию марихуаны. Он не скрывал радости, когда получил свою долю от продажи опия – она в пять раз превышала его месячное жалование. И стала в разы превышать, когда на Мальдивы потек наш опиум.

– Хантер до сих пор служит на базе?

– Базы как таковой больше не существует. Британцы заложили ее в 1956 году. Обещали свернуть ровно через тридцать лет. Перевыполнили обещание и ликвидировали ее в середине восьмидесятых. Из контингента там осталось лишь подразделение морской пехоты. Они действуют как наблюдатели, порой выступают в качестве военных советников. Работа у Хантера посложнее, чем у Стэнфорда, а доля меньше. Он принимает груз и доставляет на центральные атоллы. Он приобрел через подставное лицо безымянный остров. Стэнфорд психовал по этому поводу: мол, дело осталось за архипелагом.

Стэнфорд в это время также думал о Хантере, и его сравнения были не в пользу морского пехотинца. Стэнфорд в постоянных разъездах, в работе, в размышлениях, которые стали хроническими и носили общее название, схожее с вирусом гриппа: MI5.

Британская контрразведка стала одной из первых спецслужб, которая поняла: для борьбы с террористами прежняя технология (долгосрочная разработка террористических групп) не эффективна. Здесь, в Шри-Ланке, орудовала сепаратистская террористическая группировка «Тигры освобождения Тамил илама», связанная с «Аль-Каидой», что-то темное скрывалось и под паранджой Мусульманского конгресса. Нет ли здесь угрозы Соединенному Королевству, под мантией которого кишели многочисленные мусульманские общины, – этим и занималась контрразведка, поскольку теперь ее главная задача – выявить угрозу на ранней стадии.

Гуджрал вернулся к собеседнику и занял прежнее место в кресле.

– Я предлагаю погасить убытки, – заявил он. – Ты и Хантер – это две доли...

– А ты, значит, одну – хорошая арифметика! – вспыхнул Стэнфорд.

– Мы посчитаем по-другому, когда ты вернешь товар. Мне не нужны наличные, переведи деньги на мой банковский счет.

– Черт, – Стэнфорд взъерошил волосы, – мне нужно подумать.

В размышлениях он провел ровно минуту.

– Ладно, договорились. Но затраты на поиски самолета мы разделим поровну.

– Я не представляю, как можно делить затраты. Это все равно, что членить дыры, но я согласен. Во что они выльются?

– Работа моих людей ценится высоко. Если этот чертов Конрад взял на вооружение извещение авиастроителей...

– Ты думал об этом? – проявил проницательность Гуджрал.

– Конечно, – соврал Стэнфорд, не моргнув и глазом. Эта версия родилась только сейчас, по ходу его рассуждений. Что получается, быстро прикидывал он. Конрад получает официальное уведомление от «Хемфри» и за ним маскирует свои шаги. А более точно – широченный шаг: продажа опия даже по бросовым ценам обеспечит летчика на всю оставшуюся жизнь. Но в одиночку такое мероприятие ему не провернуть, у него есть сообщники. На Мальдивах? Хоть где. Он затаится в любом укромном уголке и выползет, когда шум вокруг мнимой авиакатастрофы уляжется.

«Хитрый, сукин сын!» – выругался Вуди.

«Слишком много товара», – дважды повторил он про себя последние слова Хантера. Хантер также потерял деньги, и немалые, но, боже, на какую сумму подсел сам Стэнфорд, его партнеры со Шри-Ланки и компаньоны с некогда находившейся под британским протекторатом островной республики!..

Стэнфорд представил себя на месте Кони, всунул в его голову свои мозги... и не нашел отличий. Количество корыстных слотов одинаковое, объем кэша второго уровня измеряется алчностью, память отравлена опиумом. Он сидит не в кресле пилота, а на мешках с наркотиками, упакованных в водонепроницаемую оболочку, и натурально раскидывает умом...

И вдруг Стэнфорд понял, что в этой стройной цепочке есть слабое звено. Чтобы версия Конрада выгорела, ему было необходимо хоть как-то обозначить ее. Как? Он в самолете, с группой «морских котиков» у него есть спутниковая связь. Он подтвердил, что она функционирует, сообщив Хантеру о своем приближении. И спустя минуты он, согласно плану, должен выдать в эфир: *«Неполадки на борту!»* Повторить это минимум дважды и заткнуться раз и навсегда.

Вуди отчетливо представил, как к безымянному острову, на песчаную косу которого приземлился легкомоторный самолет, подходит катер и принимает на борт контрабандный груз. Дождается последнего действия от пилота: он поднимает самолет и сажает его на воду. Когда крылатая машина превращается в субмарину, летчик прыгает с импровизированной боевой рубки в кокпит катера. Вот и все. Он понимает, что версия его гибели одна и найдет подтверждение в авиастроительной компании «Хемфри».

Стэнфорд не мог не принять эту версию, но ее рушило то самое слабое звено. Почему Конрад, имитируя катастрофу, не акцентировал этот момент по радио? *Потому что его маскировка была бы очевидной* – пришел ответ. Но он также не был окончательным.

– Мои люди отработают контакты Конрада, – сказал на прощание Стэнфорд. – Я помню, у него был друг – Эмиль Линге, он также баловался контрабандой, потом завязал.

– Откуда ты это знаешь?

– Это моя работа – знать все о людях, с которыми я имею дело. В беседах с Конрадом имя Эмиля прозвучало несколько раз.

Ровно через два дня Стэнфорд, находясь на своем рабочем месте в Лондоне, выслушал доклад офицера оперативной группы. По словам Эмиля Линге, он не видел Конрада больше месяца. Они не поддерживали связь даже по телефону.

«Не поддерживали даже по телефону...» – повторил про себя Стэнфорд, прижав пальцем бьющуюся под глазом жилку.

– Вы подтвердили алиби Эмиля?

– Да, шеф. Последнюю неделю он находился в Эдаме и занимался установкой нового оборудования на своей сыроварне.

Нечто подобное касалось и других знакомых пропавшего пилота.

Слабое звено сыграло свою роль: цепь порвалась. А вместе с ней пропала надежда вернуть ценный груз и миллионы долларов.

Стэнфорд перечислил деньги на банковский счет Гуджрала, опустошив свой. Хантер, принявший решение выйти из игры, все свои деньги вложил в недвижимость и остался должен своему боссу. Но от Стэнфорда не так-то просто было уйти. Хантер получил задание «не прекращать поиски самолета». И огрызнулся в ответ:

– Может, подскажешь где?

Морпех назвал цифру, которая в воображении Вуди Стэнфорда предстала исторической датой: 1196. Ровно столько мальдивских островов протянулись параллельной двойной цепочкой на подводном хребте.

3

Голландия, сервис при аэропорте Схинхол

Коренастый авиамеханик в темно-синем комбинезоне выглянул в окно мастерской и скривился. Он увидел разворачивающийся на бетонной площадке ярко-красный самолет.

– Снова чертов высокоплан! Уже третий за эту неделю. «Хемфри» перечислил нам деньги за ремонт?

– Нет, – покачала головой молоденькая помощница, также исполняющая обязанности бухгалтера, и повторилась: – Не заглядывая в компьютер, скажу «нет».

Таким же отказом мог ответить и механик: он заменил три фланца, присланные авиастроительной фирмой, и собирался составить акт на утилизацию всех трех бракованных деталей. Собирался.

Словно в отместку ненавистному «Хемфри», он встретил клиента дружеской улыбкой:

– И вы по замене фланца, так?

– Да, – ответил молодой человек, одетый в спортивный костюм.

– Часто летаете?

– Да нет, – пожал он плечами.

– Запчасти на этот тип самолетов закончились. У нас остался *единственный* фланец из предпоследней поставки. Вас устроит витринный экземпляр? – Механик показал за спиной бухгалтеру кулак: «Молчи».

– Если он не бракованный.

– Ну что вы! Согласны оплатить наличными? Если да, то вам придется самому взыскивать деньги с фирмы за фланец и ремонт.

Клиент развел руками: «Куда деваться? Жизнь дороже».

– Давайте оформим заказ. Как ваше имя?

– Эмиль Линге.

Глава 2

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

1

Лондон

Томас Рейман окидывал скучающим взглядом серый пластик в кабинете редактора лондонского еженедельника «Топ Секрет». Вот уже на протяжении двух с половиной лет, что они знакомы с Адамом, неизменными оставались офисные стол-уголок и кресла, стеллажи и фиолетовые разводы на редакторском мониторе.

Рейман поправил ворот застиранной рубашки и повел шеей. Он в последнее время относился к работе по-простому – что получится, то и получится. Думает ли про него в этом свете сам редактор? Пристальный взгляд на Адама. Он сосредоточен, чуть-чуть нахмурен, как всегда, взъерошен. А еще он принципиален: взялся за шестистраничную рукопись сам. Похоже, он перевалил за середину экспресс-детектива и пока недоумевает, в чем же соль этого незатейливого рассказа, где убийца обозначен с первой строчки, какова развязка. Что он скажет, прочитав последнюю страницу и финальную строку? В прошлый раз он изрек: «Да я во сне могу такое написать».

Этот экспресс-детектив Томас набросал вечером вчерашнего дня. Наутро он, сделав кое-какие правки и дав ему название («Ревность»), позвонил в редакцию и договорился о встрече. Обычно за месяц он писал пару коротеньких детективов, один точно выходил в еженедельнике.

Томасу исполнилось в мае тридцать один. Он не имел постоянной работы, но в соавторстве с английскими историками написал около десятка специализированных книг. Очередная вышла в феврале общим тиражом четыре тысячи экземпляров и носила длинное, как у диссертации, название: «Хроника боевых действий подводных лодок Германии во Второй мировой войне». Историческое повествование оставило немало белых пятен. В какой-то момент они превратились в искры, брызнувшие из глаз молодого ученого, и он намеренно не включил в книгу несколько интригующих моментов. Что означало и другое: от коллег и соавторов он утаил материалы, которые почерпнул в секретном архиве Корпоративного подразделения британской контрразведки. Его отдел, отвечающий за секретные досье и файлы с ограниченным доступом, стал для Томаса Клондайком. Там пылились без всякого проку архивы Второй мировой, капля в море по сравнению с архивами «мировыми».

Сотрудники отдела виделись Томасу стаей собак на копенке сена. Перехваченные англичанами письма немецких солдат и офицеров, телеграммы командования Третьего рейха, отдельные приказы и прочее без толку валялись на трех стеллажах. Ему разрешали копаться в документах, которые не были обозначены никакими грифами. Лишь на входе в прохладное, в стиле модерн, помещение распростер свои мрачные крылья «гриф» в виде креста – символ службы. У входной металлической двери, отделанной светлым пластиком, нашел место стол – четыре тонкие ножки и крышка. За ним и работал Томас Рейман, низко склонившись над пожелтевшими бумагами и переносил букву за буквой на невинно чистые листы блокнота. В коротких перерывах он избегал взгляда камеры видеонаблюдения, которая упрямо сканировала его, будь он за столом или у стеллажей.

Для спецслужбы эти старые материалы не представляли ценности ни в плане внутренней, ни внешней разведки. Британский контрразведывательный аппарат был озабочен новыми угрозами, исходящими от организованной преступности. Он противодействовал ливийским, иракским, палестинским террористическим группам, вел борьбу с иранскими диссидентскими

группами и исламскими террористами. Он ведал финансами и расследовал республиканский и роялистский терроризм в самой Британии. Он шпионил против России и Китая. Он вступил в эру новейшей истории, которая не позволяла сделать шаг назад, даже просто повернуть голову. Прошлое навсегда осталось в прошлом.

«Счастье всегда в прошлом», – так, кажется, говорят, припомнил Томас. Он только сейчас заметил жест Адама: не отрываясь от чтения, он пододвинул к собеседнику пепельницу. Он читал последнюю страницу и все больше хмурился, не видел, «где тут детектив».

«Читай, читай», – еле заметно улыбнулся Томас.

Он прикурил и пустил дым в сторону приоткрытого окна. Ни он, ни кто-либо другой не мог ли представить, что этот короткий детектив станет очередной точкой отрыва в сложном деле немецкой субмарины.

У Реймана было бледное продолговатое лицо с узкими, будто выгоревшими бровями. Крылья его тонкого носа разошлись, а губы вытянулись в улыбку, когда редактор закончил читать и положил листы справа от себя.

– Твоих героев – их здесь трое, – уточнил Адам, – с легкостью могла задушить святая Тереза. Неплохая работа, мне она понравилась. Как говорят вампиры – тушите свет. У меня предложение.

– Валяй предлагай.

– Сместить время действия этак лет на пятьдесят вперед.

– Зачем? – спросил Томас, затушив окурков в пепельнице и морщась от дыма. – Что, когда читаешь, реальность пропадает? Ну хотя бы периодически?

– Нет, – ответил Адам. И по его полноватому лицу было видно, что он говорит искренне. – Хорошо, переделывать ничего не будем. Закажу художнику стилизованный рисунок. Да, так и сделаем. Уже вижу собачью пасть, окровавленную ленту от шляпки, вмятую в горло. – Адам непроизвольно сглотнул. – И вот еще что. Мне не понравилось название – «Ревность». Как насчет... «Откровение»?

– Согласен.

Подписав договор, получив деньги, пожав руку Адаму, Томас отправился домой. По пути он купил замороженные шницели в сахарной присыпке. Поставив котлетки в микроволновку, Томас выпил пива. Он настраивался на предстоящий разговор с одним из сотрудников контрразведки, имеющим итальянские корни. Собственно, в телефонную трубку он скажет пару коротеньких фраз, договариваясь о встрече.

2

Гарри Капано бросил взгляд на настенные часы – двадцать минут, отведенные им самим на тренировку в гимнастическом зале управления, истекли. Он отпустил руки с тренажера и какое-то время сидел, закрыв глаза, неподвижно. Тенниска пропиталась потом, горячие капли собрались на лбу и затылке, чтобы стечь по щекам и спине уже холодными ручейками.

Он прошел вдоль гимнастических станков, за которыми находились его сослуживцы. Задержал взгляд на молодой женщине. Она была в коротком спортивном костюме, который также намок в районе груди, подмышек и бедер. Сидя за тренажером, она невольно копировала откровенный снимок принцессы Дианы в такой же позе, обошедший все желтые издания.

В раздевалке Гарри открыл свой ящик, сбросил тренировочную форму, прихватил полотенце и прошел в душ, парящий от горячих струй. Он проведет здесь ровно пять минут, такой же короткий отрезок уйдет на то, чтобы надеть рубашку, костюм и сдать грязную форму в прачечную, – все было расписано с немецкой пунктуальностью и никогда не нарушалось. У него останется порядка четверти часа обеденного перерыва, чтобы перекусить сэндвичем в баре и вернуться на свое рабочее место с бумажным стаканчиком кофе.

На внутренней стороне дверцы крепилось зеркало. Гарри, близоруко сощурившись, оглядывал свое отражение и вытирался полотенцем. Он носил короткую бородку. Раз в неделю парикмахер подравнивал длину, но не окантовывал. Она естественно уползала за шею, где бурно сливалась с волосатой грудью.

Капано надел очки в тонкой золотистой оправе, и его большие карие глаза стали меньше – такими, какими привыкли их видеть все. Может быть, эта деталь делала его на пару лет моложе.

Он поднялся в свой офис, оформленный в современном – в светло-серых тонах – стиле. За стеклянной перегородкой собирались по одному сотрудники его подразделения.

В его отсутствие поступил телефонный звонок от Томаса Реймана. Он и Томас окончили один колледж и были ровесниками. Набрав номер друга, Гарри сделал глоток кофе.

– У меня проблема, – заявил Том, приветствуя разведчика.

– Какая? – спросил Капано, снова улыбнувшись.

– Затерянная в веках.

– И для ее разрешения требуется много времени.

– В точку попал. Встретимся у меня вечером?

– Извини, не смогу.

– Вот как? – В голосе Томаса просквозило разочарование.

– В ближайшие день-два я занят по уши, – врал Капано. Его не устраивала встреча в «клоповнике» Реймана, где, по его определению, воняло дешевой сигарой, затушенной в моче. – Сейчас у меня часовое «окно», сможешь подъехать? Я выпишу пропуск.

– Пожалуй, да, – с небольшой задержкой дал согласие Томас.

Капано первым положил трубку и позвонил в приемную, подтвердив:

– Да, я лично встречу его.

Томас вышел из такси на набережной и направился в сторону здания, в котором после реконструкции, завершившейся в 1994 году, появились офисы для двух с половиной тысяч человек персонала контрразведки и парковка на восьмьсот мест.

Посетителя поглотили зеркальные двери фешенебельного здания. Томас, оказавшись в холле, тут же увидел Гарри. Тот шагнул навстречу и пожал ему руку:

– Неплохо выглядишь. Обычно ты замотанный. Хорошее настроение?

– Вроде бы. Утром получил кое-какие деньги – и сразу к тебе.

Капано рассмеялся и подвел товарища к стойке. Тот прошел стандартную процедуру проверки, и Гарри кивнул: «Ну что, пошли?»

Они поднялись по лестнице на третий этаж.

– Как твоя Софи? – поинтересовался Томас. – Давно не видел ее.

– Нормально.

Рейман незаметно усмехнулся. Вчера вечером он остановил свой джип на окраине королевского зоопарка, где летними вечерами играли Шекспира.

Софи Капано сидела на заднем сиденье и нервно покусывала губы.

– Нужно было остаться дома, – бросала она. И лихорадочность еще больше возбудила ее. Как всегда короткий, но неистовый секс с Томасом стоял на ступеньку выше затяжных «поединков» с Гарри. Она смотрела на затылок любовника, но видела и его отражение на затемненном лобовом стекле машины.

– Иди ко мне...

– Ты уже мокрая?

– Сволочь...

Томас знал, как еще больше завести Софи, и отвел ей пару минут. Когда он перебрался на заднее сиденье, женщина подняла широкую юбку, обнажая черные кружевные трусики, и раскинула ноги. Она снова смотрела в окно. Мимо машины прошла пожилая пара. Они не

видели, что происходит внутри, а Софи казалось, они резко смагивают от контраста белого тела и черного белья. Видят неторопливые движения ее партнера.

Софи изменила положение и притянула Томаса к себе за бедра, нашла его член и плотно обхватила влажными губами. Томас басовито постанывал, касаясь головой обивки салона, и вскоре перешел на ритмичные движения. Он проникал глубоко в горло партнерши, чувствуя приятную боль от ее зубов и жестких прикосновений языка. Он сильным движением оттянул ее трусики, и они вонзились в тело, резко обозначая возбужденные бугры.

– Сильнее... – едва не вскрикнула она, отстраняясь от любовника.

Удерживая за белье, Томас перевернул женщину на живот. Она уперлась рукой в спинку заднего кресла, касаясь лбом холодного стекла. И снова ловила скользящие по машине взгляды прохожих и негромко постанывала.

– Отвези меня домой, – сказала Софи по истечении пары минут. Сказала голосом изнасилованной девушки, на сей раз избегая даже взгляда любовника. Томас не знал, играет ли она в такие моменты или испытывает стыд, вину и унижение. И так повторялось раз за разом. У нее было две памяти, пришел он к выводу: одна короткая, другая длинная. Она умудрялась быстро забыть близость, но жила с этим и не могла дожидаться следующего свидания.

Томас не мог сказать, полностью ли его устраивает такое странноватое поведение любовницы. Но он всегда приходил к одному заключению: «Хорошо, что она не смеется как дура и не просит добавки. Это уже не мое, а Гарри дело». Что интересно, ни он сам, ни Софи ни разу не спросили себя: а что, если Гарри узнает о связи своей жены со своим школьным другом? Наверное, ответ стоял в двух парах глаз. Нет, пожалуй, в трех, поймал себя на мысли Томас, видя лосиные глаза товарища.

Год назад он без труда и зазрения совести соблазнил Софи. Он пришел в гости к Капано. Поджидая друга, он дал ознакомиться хозяйке со своим очередным детективом. Сюжет был прост до безобразия: один ухлопывает другого и валит вину на третьего. Смертоубийство происходит на сексуальной почве, с бесстыдными подробностями полового мероприятия. «Кажется, – припоминал Томас, – Софи сказала: «Такое чувство, что ты писал с натуры». Потом она попросила налить ей виски. Он подал ей стакан, их пальцы встретились. Потом – глаза. Он во взгляде Софи прочел то, что должен был прочесть. В этот вечер она так и не узнала, какие у него губы, какой язык. Она стояла, опершись о подлокотники кресла и высоко подняв голову. Халат был снят с одной руки и топорщился на ее спине верблужьим горбом. Томас делал быстрые и резкие движения, словно накачивал велосипедную шину.

Приятели шли по коридору третьего этажа. По сравнению с уважаемым и спортивным Капано Рейман выглядел заморышем: сутуловатый, с длинными руками и широкими ладонями. Он воровато поглядывал на прозрачные двери офисов управления.

– Ты обедал? – спросил Томас.

– Да.

– Я слышал, что ресторан для руководства...

– Я боюсь там обедать, – перебил Гарри. – Вдруг запачкаю ковер. Знаешь, квадратный ярд ковра в ресторане стоит семьдесят фунтов. Вычтут из зарплаты, – задорно рассмеялся он. – Обычно я перекусываю в баре. Я не курю, потому чувствую там себя вполне комфортно.

В своем офисе Гарри указал гостю место напротив своего рабочего стола.

– Хочу еще раз поблагодарить тебя за возможность пользоваться вашими архивами, – сделал вступление Томас.

– А, ерунда, – отмахнулся Капано. – Мне помогли старые связи в Корпоративном управлении, где я работал.

– Да, я помню. – Томас снова, как и в кабинете редактора, поправил воротник рубашки. – Работая с архивами, я натолкнулся на любопытный материал. В твоём кабинете можно говорить открыто?

– Другого безопасного места я не знаю.

– Речь идет о немецкой подводной лодке «Оракул». По некоторым сведениям, на ее борту находилось золото, порядка одной тонны.

Рассказ Томаса занял не меньше получаса. За это время он поведал, из каких других источников информации он получил дополнительные материалы, и сумел подтвердить свою версию. Смелую? Пожалуй, она предстала с дерзким лицом.

– Ты кому-нибудь говорил об этом?

– Не совсем «об этом».

– То есть?

– Я собирал информацию. В общем... еще один человек в курсе моих исследований. Это правнучка доктора Небенфюра, который участвовал в разработке «оружия возмездия». Он в феврале 1944 года находился на подлодке. Я нашел адрес Рут в Интернете и навестил ее. Она живет в Голландии.

– Чем ты обосновал свой визит?

– Все просто. Я представился, подарил ей свою книгу. Сказал, что биография ее деда поможет мне в работе над очередной книгой. Предложил деньги. Она поначалу заколебалась, потом... Да, наверное, ее отпугнул мой прямой вопрос, касающийся февральских событий 1944 года. Но я не ушел с пустыми руками. Хозяйка вручила мне листок, он начинается коротким абзацем: «Эксперименты по запуску ракет с двенадцатиметровой глубины показали, что двигатель прекрасно работает в толще воды». Я уверен, что это рука ее прадеда.

– Ты уверен, что Небенфюр находился на немецкой подлодке?

– Об этом говорят и другие документы. Он попал в непростую ситуацию, когда командир «Оракула» откровенно дезинформировал свое командование. Капитан субмарины отвернул с курса и взял направление на Мальдивские острова. Там он атаковал немецкое судно, затопив его в Экваториальном проходе. И сам сгинул в том же районе.

Часовое «окно» растянулось на два полноценных тайма. Гарри Капано не спешил спровадить школьного товарища. Едва Рейман поставил точку в своем очередном детективе, основанном на реальных событиях, Гарри ощутил в груди толчок и с этого момента решил, что это его дело, что он по недоразумению забыл о нем и вот Томас напомнил.

Он смотрел на историка и незаметно качал головой. Он ничего не смыслит в делах такого рода и откровенно не сдержан. Он не умеет держать язык за зубами. Точнее, он не обучен приемам сбора информации. Хотя прикрытие у него весьма солидное: он автор нескольких книг о германском флоте и, вполне естественно, собирает информацию; он черпает ее не только из документов, но и получает от живых людей. Все верно. Но как он это преподнес, явившись к Рут! Напряг девчонку одной-единственной фразой о февральских событиях.

Гарри запросил из архива старые документы. Минимум через полчаса их доставят в его кабинет в специальной емкости.

– Дай мне адрес этой Рут. – Гарри записал адрес в рабочий блокнот и постучал им по поверхности стола. – Повтори еще раз, как прошла беседа с Рут, припомни мелочи.

И снова Гарри качает головой, искоса поглядывая на товарища. Он не раздражен, разве что чуточку раздосадован. Ему в какой-то миг показалось, что Рут в курсе дел и ведет свое расследование. Или начала, едва Томас убрался из ее дома.

– Что мы имеем на этот момент? Во-первых, это пересечение интересов. Возможно, у Рут есть то, чего недостает нам: место гибели немецкой субмарины. Смотри на меня, Том. Больше никаких инициатив, ты понял меня?

– Да, – наклонил голову Рейман.

«Боже, – нашел в себе силы улыбнуться Капано, – сколько золота покоится в железном чреве субмарины! Впору просить у всевышнего пять, десять жизней». Он помрачнел, продол-

жив: «Нет, одиннадцать – одна жизнь уйдет на поиски». Но главное для Гарри – цель, окутанная в перспективу.

Тысячи кладоискателей тревожат воды мирового океана. Сотни спецслужб роются в архивах в поисках ключей, открывающих тот или иной замок. В какой-то момент Капано поймал себя на мысли, что Томас разыгрывает его, и весьма умело. Впору пошарить глазами в поисках скрытой видеокамеры.

Нужно время, чтобы осмыслить происходящее и вполне реально ощутить неподъемный груз золотых слитков. Нужно обратиться к свежей статье в «Гардиан», ставшей для темпераментного Капано допингом.

«На острове Робинзона Крузо в 560 километрах от побережья Чили обнаружены сокровища, оцениваемые в 10 миллиардов долларов. «Крупнейшим в истории кладом» назвал находку юрист чилийской компании «Вагнер», организовавшей поиски. 600 бочонков со статуэтками из цельного золота и потрясающей красоты ювелирными изделиями эпохи инков находились на 15-метровой глубине».

Капано проводил Томаса и вызвал помощника. У лейтенанта Сиды Бриггса было множество крупных родинок на лице и шее, длинная рыжеватая челка постоянно падала на глаза. Капано передал ему листок с записями.

– Узнай номера телефонов этого человека.

– Рут Небенфюр, – прочел Бриггс, покивав.

– Возьми на контроль все телефонные звонки и месседжи. Если она выходит в сеть, сканируй все электронные сообщения. Скачай все адреса, к которым она будет обращаться. Подключай парней из нашего голландского отдела и департамента оперативной поддержки.

– Это не трудно сделать, – ответил Сид. – Ты не хочешь ввести меня в курс этого дела?

– Да, конечно. Одному мне с ним не справиться.

Сегодня вечером Гарри Капано пришел домой с букетом цветов и вручил его жене. Софи усмехнулась «венику»:

– Я делаю вывод, что сегодня вечером ты не завалишься в паб и не нажрешься, как свинья. Чего встал, проходи, хренов оборотень!

Гарри закрыл глаза. Ему захотелось проснуться, но он не спал. Не ошибся он и дверью. «Что за чертовщина?!» – думал он, не успев сказать запланированного: *«Пусть в нашем доме расцветает миллион цветов»*.

Он разулся и поставил ботинки в прихожей. Слепо прошел в гостиную, соседствующую со столовой, и сел в кресло. Отсюда был виден край спальни кровати.

– Боже мой, Гарри! – услышал он голос Софи. – Вот уж не думала, что невинная шутка может выбить тебя из колеи.

Гарри едва поборол в себе желание заехать жене в лоб. Со всей силы.

3

17 августа, среда

Гарри попал в точку, когда получил от Бриггса результаты сканирования компьютера Рут, и порадовался своей оперативности.

– Кретин! – обозвал он Эмиля Линге. Летчик-любитель был первым в списке, с кем общалась Рут, как посредством электронной почты, так и по мобильной связи. Эмиль буквально сыпал сообщениями. Несколько посланий оказались весьма ценными. «Икар» отрапортовал своему отцу, проживающему в Лейдене: «На твой день рождения приехать не смогу – улетаю в Испанию. Там у меня назначена встреча с Рут».

На Линге было собрано порядочное досье еще и по той причине, что он оказался в центре кокаинового скандала. Сидя в удобном кресле, Капано слушал обстоятельный доклад Сиды Бриггса.

– В 1999 году Эмиль Линге, тогда еще владелец «Сессны», находился под подозрением в контрабанде наркотиков. Он попал в поле зрения сотрудников мобильного подразделения наблюдения, которые отслеживали связи британских наркоторговцев с голландскими. Когда он не появился на очередной встрече с английскими партнерами, оперативники сделали румпельный вывод: он либо супершпион, почувствовавший запах жареного, либо полный болван.

– Что значит «румпельный»?

– Команда «право на борт» означает поворот судна влево. Как сравнение противоположностей.

– Ты беседовал с оперативниками?

– Разумеется, – подтвердил Сид. – Как бы то ни было, но Эмиль продал свой самолет и купил сыроварню.

– Продал самолет и купил сыроварню? Похоже на анекдот.

– Похоже, – согласился Бриггс. – С той поры – прошло шесть лет – Линге ни разу не видели в Лондоне. А в Голландии ему предъявить нечего. Там он может скупать легкие наркотики мелкими, средними и большими партиями.

– И какой же вывод ты сделал? Кто он, этот Эмиль Линге?

– Он супершпион-кретин, – дал характеристику Бриггс, – и как две капли похож на твоего Томаса Реймана. Некоторые сайты, к которым обращался Эмиль, несли в своих названиях английское слово dive. Глагол to dive – значит нырять, прыгать вниз, погружаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.